

МНОГОЗВУЧИЕ МИРА

Заметки о творчестве Василия БЕЛОВА

Смешливый «деревенский философ» Олеша Смолин, герой «Плотницких рассказов» Василия Белова, вошедших в его книгу «Сельские повести», приступая к повествованию о своей жизни, заметил: «Она у меня вся как расхожая библия: каждому на свой лад. Кому для чего сгложусь, тот и дергает. Одному от Олеши то, другому это понадобилось. А третьему до первых двух и дела нет, обоих отменил. Установил свою атмосферу».

Похоже, что тут за спиной Олеши стоит и сам автор: уж очень злободневно звучат эти слова, если припомнить нынешние литературные споры, когда действительно от деревни «одному... то, другому это понадобилось».

Больше того, и творчество писателей, пишущих на эти темы, в свою очередь, подвергается такого же рода «выборочной» трактовке.

«...Если совсем недавно, — утверждалось, например, в одной статье, посвященной как раз В. Белову, — писатели остро ставили вопросы политической и экономической жизни деревни... то сейчас проблематика меняется. Художник приводит нас в деревню не за этим. Внешнее видно всем... Он приводит нас в деревню за тем, чтобы мы увидели полноценный мир, где экономическая сторона жизни — лишь внешняя оболочка, скрывающая мир духовных исканий и нравственных переживаний».

Мир, рисуемый В. Беловым, действительно полноценный, но именно поэтому никак нельзя согласиться с тем, что названные критиком вопросы занимают писателя меньше и являются чем-то внешним по отношению к «подлинной» жизни его персонажей.

Напротив, мир Белова полнокровен именно потому, что вопросы эти увиденны писателем в совершенно конкретных проявлениях, в реальных судьбах.

«Внешнее видно всем», — убеждают нас. Но что такое — внешнее?

«Она принесла тридцать ведер холодной воды из речки, разбавила ее горячей, нанюкала соломой в кормушки... Двенадцать ее коров доились не все... И Катерина подоила быстро».

Это ежедневное рабочее утро героини, ее «привычное дело», как любит приговаривать ее муж, Иван Африканович, и как озаглавлен весь роман об этих двух прекрасных, добрых, работающих людях. И это «внешнее» (хозяйственное? производственное?) обростает множеством «внутренних» значений хотя бы потому, что читатель уже знает: ведь не надо бы вообще никакой работы сейчас, после родов, делать Катерине, но — семья! Но — беда, как приключившаяся с Иваном Африкановичем по пьяному делу и дорого обошедшаяся семье!

И в то же утро на Катерину сваливается еще одна забота: уход за телятами, брошенными нерадивой скотицей, — а можно ли их оставить, коли они, «как ребятишки, тыкались мокрыми рылами в ее ладони»?

Тут каждая деталь рабочего дня героини, каждая ранящая цифра ее доходов отчетливо соотносены и между собой, и с ее характером, и с любовью к мужу, к детям, с тревогой за них, которая глужо сквозит даже в жалости Катерины к телятам.

При всех своих неожиданных выходов Иван Африканович под стать своей жене.

Он — тоже из людей, которые меньше всего помнят о своих трудах и заслугах (так и Евдокия в «Плотницких рассказах», долго работавшая конюхом, а потом заболевшая, «стеснялась, что своей грыжей всем наделала канители»!). Послушать Ивана Африкановича, поглядеть на его стеснительно-мягкое, робкое поведение, в самом деле удивишься тому, что он разведчиком был и Берлин брал.

В прежние, еще при Катерине, дни он, поэтически любуясь природой, остерегался думать о некоторых вещах — о бескрайней небесной глубине, о смерти... Кончина жены подкосила устои его наивного и невзыскательного мироощущения. Его блуждания по гиблым болотам в чем-то символичны. Недаром именно тогда предстал ему вопрос: «И лес был, и мох, а его не было, ни разу не было... так не все ли равно, ежели и опять не будет?».

Кажется, что страшное потрясение утраты готово окончательно восторжествовать над всеми чувствами героя, подобно тому, как завалило землей его любимый родничок, откуда они с женой всегда пили: «Там, где был пригорочек с чистым песчаным колодчиком, громоздилась черная искореженная земля, вывороченные корни, камни».

Будто знамение, как сказали бы встарь, подступающего опустошительного горя было послано в той картине Ивану Африкановичу, но тут же и ободорящая надежда: «Меграх в трех от заваленного колодчика... он разглядел мокрые комья. Шагнул еще, поднагнул: далеко от прежнего места под глыбами глины светилась на солнце прозрачная холодная вода. Жив, значит, родничок, не умер. Попробуй-ка завали его. Хоть гору земли нагреб, все равно, видно, наверх пробьется...»

Так и в помертвелую душу заблудившегося героя, снedaемой тоской и безнадежностью, вдруг, как телята в Катерины ладони, начинают толкаться теплые, трепетные образы не останавливающейся, вечной, по-прежнему требующей его участия и вмешательства жизни: «Ну, а другие-то, живые-то люди? Гришка, Анатолка (дети героя. — А. Т.) вон? Ведь они-то будут, они-то останутся? И озеро, и этот проклятый лес останутся, и косить опять побегут. Тут-то как? Выходит, жись-то все равно не остановится и пойдет, как раньше, пусть без него, без Ивана Африкановича. Выходит все-таки, что лучше было родиться, чем не родиться».

Просто ли это воскрешение к жизни? Или, быть может, в чем-то второе рождение героя, душа которого блеснет перед миром «далеко от прежнего места», обнаружив какие-то неведомые дотоле возможности? Кто знает...

Все так. Но как хочется, чтобы понеуступчивее были не только Иван Африканович, но и сам Олеша к тем, кто врое смолинского соседа Авенира Козонкова только «покабят» Советскую власть, по выражению старого плотника. Идиллические отношения этих соседей на старости лет после всего пережитого отдадут горечью.

Вот, как будто подхватывая поразившую Ивана Африкановича мысль о непрерывности жизни народной, рассказчик утешает Олешу: «Вот и ты... баню сделал про жизнь рассказал. И ну да ты не денешься без следа так в ней и останешься».

— Да ведь умру вот я, а ты возьмешь да баню мою раскатишь, — неожиданно отвечает плотник. — И все мои слова-разговоры забудешь... Ну, ты, может, и не забудешь, а другой забудет...».

И эта тревожная мысль о «другом» не может не прийти, если вспомнить, как тот же Ковонков «козырем ходил», «раскатывая» не только чужие постройки, но и людские судьбы.

«Тебя и район укорачивал, — напомнил ему как-то Олеша. — Хорошо, что не ты один был в ячейке-то, были и хорошие люди».

Если Катерина и Иван Африканович трогают добротой и поэтичностью своих натур, то главное обаяние Олеши Смолина и особенно Кузьмы Баракхостова (со слов которого ведется повествование в «Бухтинах вологодских») — в их трезвом уме, остром и пронзительном взгляде.

Вологодско — архангельское словечко «бухтина» означает, согласно Далю, и враки, и шутку, и красное словцо, и побывальщину. Все это головокружительно перемешано у беловского рассказчика; иные заведомые враки тут дорожке нудного правдоподобия, а сквозь прибаутки пробивается то горечь, то хватающая за сердце удалая насмешка над своими невзгодами, то беспощадный сатирический штрих.

Кузьма Баракхостов во многом похож на Ивана Африкановича: «Недоимок у Баракхостова нет, налоги платил первым... Вирился на ферме, ребятишек собираешь, как пастух, по всей деревне». Но там, где Иван Африканович просто усердно «ломит» работу, Баракхостов язвительно подмечает и высмеивает все хозяйственные и иные огрехи, которые в его бухтинах образуют самыми диковинными подробностями, коренящимися, однако, в реальной практике.

Вот малая доля тех размышлений, которые вызывают герои Василия Белова... Но, признаться, оглядываясь на написанное, и сам начинаешь беспокоиться: а не «дерьгал» ли ты из прочитанного то, что наиболее отвечает твоим собственным суждениям и впечатлениям? Не упустил ли поэтому чего-либо существенного для характеристики этого писателя?

Слишком уж многозвучен, разноголос, непрост мир, встающий со страниц его книг, с северными, вологодскими лесами, с лугами и полями, куда выпасают «звонкие с утра» бабы, с воробьиными стайками детей, у которых свои радости и, увы, горести, от которых «губы сами складывались горькой подковкой», с бесконечными дорогами, где, подчас с надсадным трудным ревом, пробираются машины, — все то, что зовется жизнью, где все переплетено, все куда богаче и неожиданнее наших привычных представлений.

А. ТУРКОВ.

* Василий БЕЛОВ. «Сельские повести». «Молодая гвардия», М., 1971.